

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТОВ
И ДУМ,
ОТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КОТОРЫХ ОТСОХЛИ
ЛУЧШИЕ КУСКИ МОЕГО
СЕРДЦА

Максим Алексеевич Горький

Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170394

*М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное
издательство художественной литературы; Москва; 1949*

Аннотация

Впервые напечатано в сборнике Института мировой литературы им. А.М.Горького «Горьковские чтения», 1940. «Изложение фактов и дум» – черновой набросок. Некоторые эпизоды близки эпизодам повести «Детство», но произведения, отделённые по времени написания почти двадцатилетием, содержат различную трактовку образов, различны и по стилю. Вся последняя часть «Изложения» после слова «Стоп!» не связана тематически с повествованием и носит характер обращения к некоей Адели. Рассуждения же и выводы о смысле жизни идейно близки «Изложению». Это и послужило основанием для того, чтобы печатать черновую рукопись как единое целое. Написано в 1893 г. В собрания сочинений не включалось. Печатается по рукописи, хранящейся в Архиве А.М.Горького.

Адель!
Почему ты так дурно перетолковываешь все,
что я тебе ни скажу?..
(Из немецкого романа).

Вкушая, вкусих мало меда и се —
аз умираю.
Бытие II.

5 апреля 1893 г.

ИЗЛОЖЕНИЕ

1868 года, марта 14-го дня, в два часа ночи природа, по свойственной ей любви к злым шуткам и для пополнения общей суммы созданных ею в разное время нелепостей, сделала своей объективной кистью размашистый мазок — и на свет божий явился я.

Сам я этого обстоятельства, несмотря на его важность, не помню, но бабушка говорила мне, что, как только мне был придан надлежаще человеческий вид, — я закричал.

Я хочу думать, что это был крик негодования и протеста.
Первый оттиск в моей памяти.

По узкой, тёмной улице, между громадных грязно-красных домов, над которыми, вместо неба, растянут полог из старого, серого коленкора и сквозь него просачивается вода, падая на землю мелкими холодными каплями, — движется

похоронная процессия.

Хоронили моего отца. Я сижу на коленях бабушки, бабушка на пролётке, а пролётка по ступицы колёс в грязи, и её брызги из-под колёс разлетаются во все стороны. Я слежу за ними и вспоминаю отца.

Это высокий человек с большими глубокими серыми глазами, звучным мягким голосом, и больше ничего. Впрочем, он меня звал Бутузом, я его папой, на что оба мы, очевидно, имели право, но что ничуть не оригинально и не вызывает во мне решительно никаких чувств.

Вот мы въехали в болото, оно же и кладбище. Гроб отца понесли на руках и поставили на край ямы, до половины наполненной водой, попы – их было два, – один большой и так густо заросший волосами, что на лице его видны были только нос, острый и красный, и тёмные страшные глаза, другой маленький негромко визжавший, – они немного попели, и отца опустили в яму, откуда испуганно выскочило много лягушек. Это меня испугало, и я заплакал. Подошла мать, у неё было строгое, сердитое лицо, от этого я заплакал сильнее. Бабушка дала мне крендель, а мать махнула рукой и, ничего не сказав, ушла. Всё об отце. Мало.

Я бы, наверное, больше оставил моим детям и уж во всяком случае не забыл бы извиниться перед ними в том, что они обязаны существовать по моей вине (наполовину, по крайней мере).

Это обязанность каждого порядочного отца, прямая обя-

занность.

Второй. Пароход. Глухой шум. Комната. Мимо окон куда-то бежит и пенится очень много воды. Я сижу у окна, круглого, как блин, и смотрю: кроме меня в комнате маленький гробик на столе, среди её моя мать и бабушка. Я знаю, что в гробе лежит мой брат Максим, родившийся в день смерти отца и умерший через восемь после её.

Этот поступок его указывает на то обстоятельство, что он обладал недюжинным и очень проницательным умом. Вот вода мимо окон начинает бежать тише и спокойней, шум наверху удваивается, слышен тяжёлый топот ног, и в комнату входит человек весь в синем, в руках его белая фуражка с лентами, а на лице, большом и страшном, красная полоса, перерезывающая ему наискось, слева направо, лоб и щёку.

– Прикажете тащить? – спрашивает он. Я плачу, ибо не хочу, чтоб кого ни то из нас утащил синий человек, а он подходит к столу и, взяв брата подмышку, уносит его, крестясь. У матери краснеет лицо, бабушка вынимает откуда-то красный платок и тычет его себе в глаза, что-то ревет громко и грозно, затем всё и сам я куда-то проваливается.

Маленькая комната на чердаке. Светло, тепло и скучно. Я сижу на стуле, передо мной толстая книга с крупными смешными буквами, против меня рыжее злое лицо деда, я спрашиваю его: что такое «блажен муж, иже не иде на совет нече-

стивых»? Это не дядя Яков?

– Дурак! – говорит дедушка. Но не объясняет, кто дурак – блажен муж или дядя Яков.

– Болван! – снова говорит дедушка, и у него трясётся бо-рода. Болван – это уж я, – значит, и дурак я. Такое умоза-ключение несколько меня не обижает, и я, нараспев произ-нося – «и на пути грешных не ста», ковыряю ногтем капель-ки воска на страницах книги. Дверь открывается, и в комнату входит бабушка.

– Отец! – говорит она. – Какой-то иностранный генерал приехал и спрашивает тебя.

– Что-о? – Дедушка медленно приподнимается, смешно уставив глаза на дверь, а в ней стоит высокий человек в тре-угольной шляпе с золотом, в коротком красном кафтане с красными же громадными пуговицами, в чулках выше колен и в маленьких башмаках с красивыми пряжками. На его ли-це, грозном и суровом, длинный красный нос, загнутый кни-зу, с шишкой на самом конце.

– Здравству-уте, В-ш-ство! С-садитесь п... пож... – весь бледный, дрожит дедушка и смешно бегаёт по комнате. Ге-нерал смеётся, бабушка тоже, дед таращит глаза, и я узнаю мою мать. Мне обидно и боязно.

– Мамаша! – кричу я. – Скиньте всё это. – Она ещё громче смеётся и вдруг угрожающе говорит:

– Теперь, если ты не перестанешь озорничать и плохо учиться, – я отдам тебя в солдаты, и ты будешь заряжать

пушки и садиться на них верхом, когда они станут стрелять!

Я их боюсь, этих проклятых пушек; когда они стреляют в лагерях, стёкла в окнах дрожат от страха, и мне кажется, что вот выстрелят ещё раз и земля треснет, а наш дом провалится. Но всё-таки мне обидно, что моя мать, всегда такая строгая и красивая, – теперь так некрасива и смешна, в ней нет уже ничего, что бы пугало меня, и так много такого, что не нравится мне, а больше всего эти пуговицы – я никогда не видал таких гадких и огромных пуговиц.

– Скиньте, мамаша, это нехорошо, – прошу я.

– Дурачок! – смеется она. – Теперь святки, и я нарядилась, а завтра снова буду такая, как всегда.

Но я хочу, чтоб она была сейчас такая, как всегда, и снова, уже сердясь, кричу, чтоб она разделась. Она смеётся. Тогда я вскакиваю со стула и, схватив одну пуговицу на её красном кафтане, отрываю её, крича, злясь и плача.

– Ах ты, щенок! – Первая затрещина не укрощает меня, но после нескольких я оказываюсь забитым в угол, где и остаюсь один, ибо все уходят, потушив огонь и заперев снаружи дверь. Темно, боязно. Я перестаю плакать и вслушиваюсь, как внизу шумят. Там танцы, музыка, смех. Перед моими глазами плавают что-то громадное, чёрное и по стенам прыгают золотые искорки, вспыхивая и угасая. Затем я сплю.

Здесь вспоминаю я сон, один из тех ласкающих душу, красивых снов, которые никогда не забываются. Может быть, я

сделал бы лучше, если б написал его многоточиями, а не словами, но у меня есть цель – немного странная, немного фантастичная, может быть, недостижимая – проще говоря, сумасшедшим и больным человеком созданная цель.

Но пусть – это так, – всё дело в том, что эта цель исключает всякое умолчание.

Окошко открыто, и в него из сада непрерывной волной льётся в комнату шелест и запах сирени и яблонь. Я лежу в своей постели и стараюсь пересчитать, сколько звёзд на том клочке неба, который смотрит в окно. Он мал, но всё-таки так густо расшит звёздами, что я то и дело сбиваюсь.

– Ты что не спишь? – спрашивает мать. Она сидит около меня и, очень часто вставая, смотрит из окна вниз в сад.

– Я не хочу! – отвечаю я.

– Спи, спи, чего не хочу! – недовольно говорит она.

Но я хочу её поцеловать, о чём громко и заявляю. Сегодня она мне нравится – и я её люблю чисто и крепко, без этой боязни и смущения перед ней, двух чувств, всегда присутствующих в большей или меньшей степени среди всего остального, с чем я подхожу к моей матери. Она целует меня рассеянно и повторяет: «спи! спи!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.